

Стихает осень, скоро холода,
Стремлюсь туда, где никому не нужен.
Опавший лист украсил города.
На кладбище твой памятник простужен.

А мысли вереницей рвутся в бой
И вспоминают лучшее из жизни:
Как мы шушали позднюю листвою.
«Быстрой,— ты говорила мне,— не кисни».

Встречали нас детишки у дверей,
Пища, крича и в игры вовлекая.
Мурлыкал на диване кот Андрей,
И ты была такая молодая.

Стирает дождик на погосте след.
Я просыпаюсь не с тобой в постели.
Другую разбудил на склоне лет.
А нашу жизнь склевали свиристели.

НАЧАЛО

Не ведут что-то в прошлое ноги.
За оврагом в тумане леса.
Я сижу у бескрайней дороги,
Устремив в бесконечность глаза.

Где-то там моей жизни начало —
В деревеньке, в ночной тишине.
Там бабуля в кровати качала.
Дед, сутулясь, катал на спине.

Эх, любил я зверьком вечерами
Грызть старинную белую печь.

Голубей покормить пирогами,
Под кроватью в дозоре залечь.

Вспоминаю покосы, рыбалки,
Вой слепней, тихий писк комаров,
Мужиков и их вечные пьянки,
И мычанье соседских коров.

Деда Гриша пыхтел вечерами
Папироской на старом бревне.
Подойдут старики с мундштуками —
И давай под дымок о войне.

Обожал я бабулю родную.
Хлебосольной старушка слыла.
Не поев, не уйдешь ни в какую,
Не отпустит — такой вот была.

Что-то грустно от прошлого стало.
Нет на свете моих стариков.
Я сижу, вспоминаю начало
Своей жизни под шепот ветров.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Я глаза закрываю и вижу
Белый домик за старой ветлой,
Ржавый «вэлик», на нем — деда Гришу:
Едет встретить — приехал малой.

Обнимается, колет щетиной,
Табакком провонял весь, вот жуть.
Говорит, возмужал, стал мужчиной,
Я на раму, толкает — и в путь.

Он глухой и хромает немножко —
Инвалид той великой войны.
Когда песни ревела бомбежка,
Дед — герой сорок пятой весны.

Ему в ухо шепчу: «Спрыгнуть надо?
Тяжело тебе, старый, крутить?»
«Что ты, внучек, ну как же не рада,
Ждет нас бабка, убавь свою прыть».

«Как там Шарик, живой?» — что есть мочи,
Надрываясь, кричу старику!
«Пес твой дома, и тише, короче,
Как петух, кричишь кукареку».

Потихоньку добрались до дома.
Посерел низкий дедушкин двор.
Куры, гуси — как все здесь знакомо,
За деревней поля и простор.

Раскрываю дверь, петли запели.
На пороге — бабуля: «Привет!»
Ее волос белее постели.
Говорит: «Что так плохо одет?»

И что, парень, так пишешь мне мало?
У старухи ведь сердце болит.
Похудел вон, и щечек не стало.
Мы поднимем здесь твой аппетит».

Скрип калитки — и вот в огороде.
После города здесь благодать.
Все цветет в деревенской природе,
Под клубникой земли не видать.

Вот мой песик, дружище лохматый,
Дай-ка лапу и брось, не скули,
Да не прыгай на кошку, зубатый,
Наш заступник. Ну, брат, не шали.

Помню все я, поныне живущий:
Дедов голос и Шарика лай,
Крик бабули, к обеду зовущий...
Деревенское детство, прощай!

Не вернется, ушло без возврата.
Развалилась от молний ветла.
Нет ни дома, ни грядок, ни сада —
Все исчезло, такие дела.

ДЕРЕВЕНЬКА

Деревенька, избы убогие,
Крыши шифером, кот за окном.
За забором бабушки строгие
Разболтались о чем- то быллом.

Свиньи туши засунули в лужи.
Рядом бегаёт стайка цыплят.
Слепни дергают конские уши.
На березах вороны галдят.

По заулку расплылись коровы,
Раскидав по дороге навоз.

Видно, с детства культурной основы
Им учитель-пастух не донес.

Блеют козочки, крикают утки.
Трактор с треском завелся с утра.
Пес Трезор на цепи возле будки.
На рыбалку спешит детвора.

На ухабистых узких дорожках
Разлеглась, никуда не спеша,
Деревенька в полях и гармошках,
Всей России печаль и душа!

ВОЛЖСКИЕ МОТИВЫ

Рады ветру березки-проказницы,
Дует так, будто гладит рукой.
В кронах голос кукушки-гадальщицы
Разбазарил года над рекой.

Ширь такая, что в чувствах сумятица.
За мечтой пробежал теплоход.
Чайка белая, морю племянница,
Выполняет фигурный полет.

Волга, старая, грузная дамочка,
Вспоминает с седой Костромой,
Как купцов разоряла цыганочка,
И плелись бурлаки бечевой.

Небо — словно картинка красивая.
Берега нарядились в леса.
Жизнь спокойная, неторопливая.
Средняя русская полоса.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ

Как понять мир людей? Невозможно.
В море судеб — обломки страстей.
Все запутанно, нервно и сложно
В череде городских новостей.

Местный рынок — людская окрошка,
Словно шумный огромный вокзал.
Вот грустит у палатки торгашка,
Муж ей жизнь, словно прутик, сломал.

Искалечил, убил ее веру
В доброту и надежность мужчин.
И ушел по осеннему скверу,
А ведь с нею остался их сын.

Скис супруг, как вино «Изабелла»,
Раздражался нытьем и бельем.
Как она эти муки терпела,
Как хотела остаться втроем!

Он же бросил! Шагал без оглядки
Очень сильный в плечах исполин.
Но на этом не кончились пытки:
Был второй, симпатичный блондин.

И как нравился парень с завода,
Величавый, характер прямой.
Кто же думал, что будет зануда,
Очень желчный, надменный, скупой?

И обратно все снова-здорово —
Полетела судьба кувырком.
Убежал, не сказав ей ни слова,
Взял товар, и к другой пряником.

Больше замуж она не хотела.
Сын подрос, помогал торговать.
Раскрутилась на рынке, есть дело,
Появились сноровка и статья.

Ночью ласки в угаре хмельного,
Мужики ходят к ней табуном.
Принимает, а что здесь плохого?
Нет семьи — хоть поспать с мужиком.